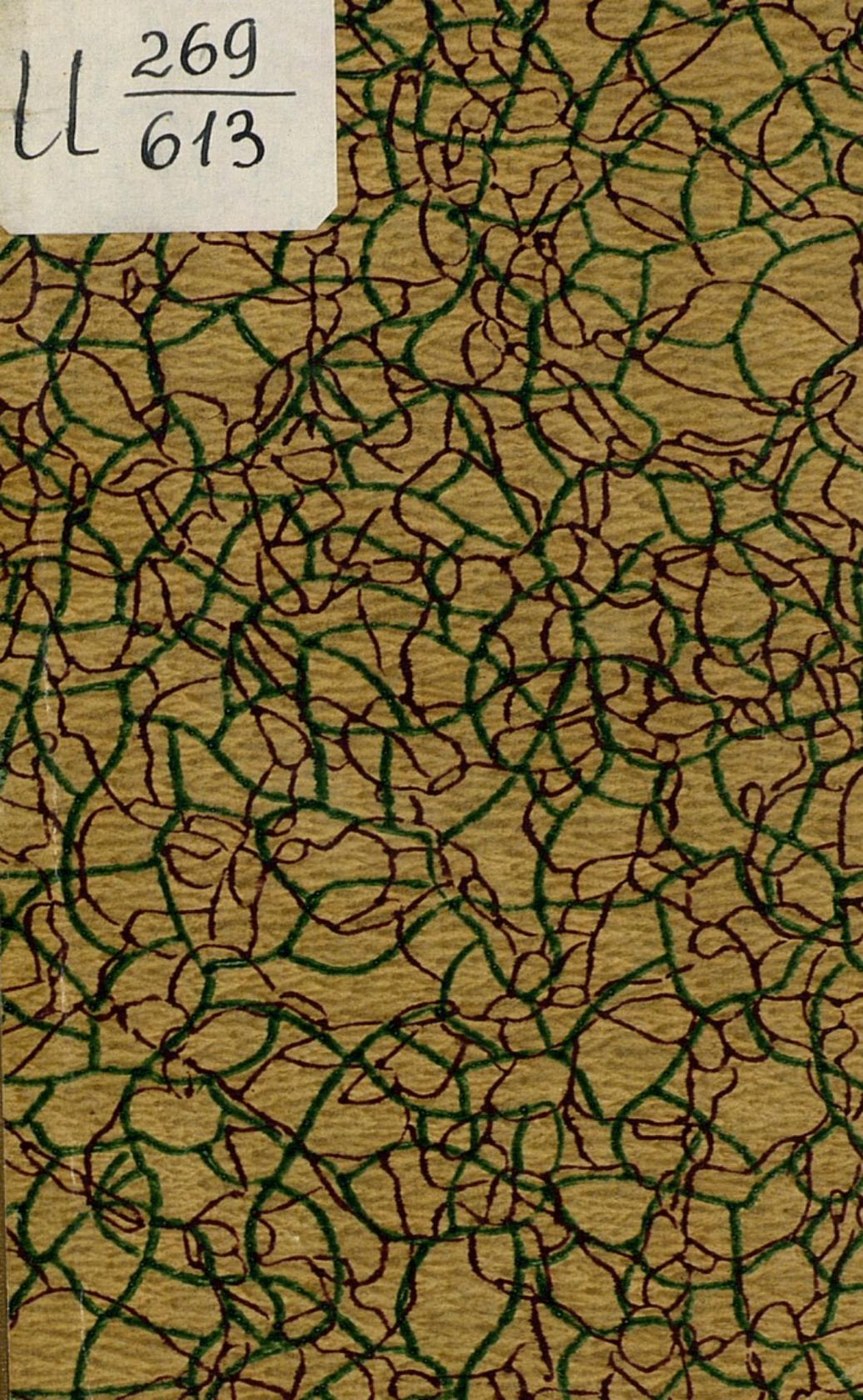

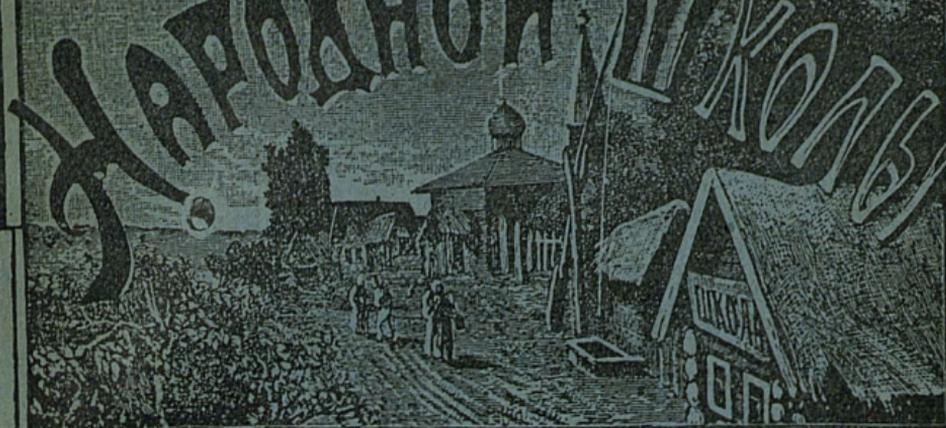
269

613

ЧИТАЛЬНЯ

НАРОДНОЙ ШКОЛЫ

ГОРЕ-РЫБОЛОВЪ.

Разказъ.

К. Носилова.

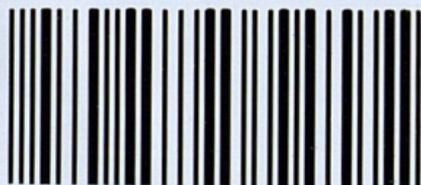
С.-Петербургъ. — 1911 г.

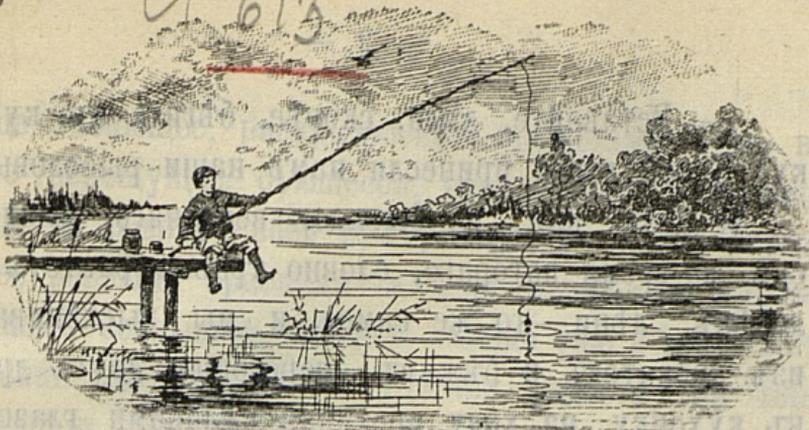
«Читальня Народной Школы» за 1907 годъ.

Якуты. Очеркъ *А. Голиковой*. 12 к. — На родинѣ. Бытовые очерки. *К. Соловьева*. 10 к. — Вся для другихъ. Изъ дорожныхъ встрѣчъ. *В. Радича*. 4 к. — Волки. Разказъ. Перев. съ англ. *Е. Тихъевой*. 3 к. — Братья. Разказъ *В. Радича*. 12 к. — Вогулы. *П. Инфантьева*. 15 к. — Куры. *А. Полосухиной*. 7 к. — Якубъ. Изъ киргизской жизни. *П. Инфантьева*. 12 к. — Англія. Кн. I. Страна и народъ. *М. Бекетовой*. 6 к. — Роковой кружокъ. Историческій разказъ. *М. Твэна*. 4 к. — Во снѣ. Путешествіе съ каплей воды. Пер. *Е. Тихъевой*. 4 к. — Весна на Волгѣ. Бытовые очерки. *К. Н. Соловьева*. 25 к. — Учительница. Разказъ. *Г. Сьверцева*. 10 к. Англія. Кн. II. Промышленность и торговля. *М. А. Бекетовой*. 15 к. — Грибы. Очеркъ *А. Бахтіарова*. 8 к. — Англія. Кн. III. Лондонъ и лондонцы. *Бекетовой*. 15 к. Какъ строить желѣзную дорогу. Очеркъ *Л. Милошевичъ*. 12 к. — Спрутъ. Очеркъ *А. Г.* — Борьба челоуѣка со спрутотъ. (Изъ *В. Гюю*). 6 к.

Цѣна полностью за все книжки 1 р. 25 к. безъ пересылки и 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2007084125

ГОРЕ-РЫБОЛОВЪ.

I.

74394.44

Каждый годъ, какъ только начиналась веселая весна, разливалась наша Исеть многоводная, появлялась зелень яркая, и ярче и ярче начинало, послѣ долгой зимы, свѣтитъ солнышко, — въ нашъ домъ, домъ моего отца, начинали рано-рано по утрамъ приходить рыболовы.

Придутъ въ нашу кухню, и словно принесутъ съ собою самую весну. — Рыбы не угодно ли свѣженькой, батюшка? Только что вотъ въ рѣкѣ изловили!

Подскокитъ къ ихъ мокрымъ корзинамъ наша стряпка старая, любопытная Агаѳья, заглянетъ туда же бородатый кучеръ Трофимъ, а отецъ нашъ уже идетъ къ намъ въ спальню и будить:

ГОРЕ-РЫБОЛОВЪ.

— Вставайте, дѣти, скорѣе, бѣгите въ кухню! Какой рыбы принесли намъ наши рыболовы!»!

И нѣтъ, какъ не бывало, весеняго, сладкаго сна, во время котораго, словно травка, растеть человекъ, лѣни—то же самое, и мы выскакиваемъ изъ кроватокъ и бѣжимъ, перегоняя другъ друга, въ кухню, на ходу протирая кулаками глазенки. И, дѣйствительно, стоило того, чтобы разстаться съ теплыми постельками. Въ кухнѣ знакомые рыболовы, такіе добрые, улыбающіеся, довольные своей ловлей и добычей. Отъ нихъ еще пахнетъ водорослями, тиной, водой; они еще въ своихъ мокрыхъ рыболовныхъ доспѣхахъ; у иного на ногахъ цѣлая водоросль, на рукавѣ зеленая тина, а подъ ногами или на лавкѣ зеленоватая мокрая корзины. Они рады намъ, и привѣтствуютъ насъ:

— Смотрите, полюбуйте, дѣточки, посмотрите, какая рыба водится въ нашей родной рѣкѣ! И начинаютъ показывать рѣчныхъ чудовищъ, словно чудомъ какимъ очутившихся сегодня въ нашей кухнѣ.

И, Боже мой, какое чудное зрѣлище: громадныя щуки съ зеленоватыми пятнами и страшными зубами, того толще и больше толстобрюхій налимъ, еще зѣвающій и что-то чамкающій своею громадною, беззубою пастью, а въ другой корзинѣ толстый линь и красноперый окунь... И все это—живое,

еще зѣвующее, раскрывающее временами рты, все это трепещущее, бьющееся, беспокойное, тоскующее еще по родной своей рѣкѣ; все это такъ и отливающее разными красками и оттѣнками при яркомъ, яркомъ солнышкѣ, которое взошло уже и трепещетъ, словно радуясь нашей дѣтской радости, на горизонтѣ и смотреть весело въ окошко.

А тутъ еще какая-то неизвѣстная трава, мягкая, волнистая; а тутъ еще мхи такіе красивые, пушистые, водянистые, словно взятые изъ какого-то таинственнаго царства...

До иной рыбы страшно дотронуться, и только что хочешь тронуть его бѣленькимъ пальчикомъ, какъ встрепенется она, и ахнешь и отскочишь. А рыбаки смѣются.

— Щукѣ только въ ротъ не давайте пальчиковъ, дѣточки, учать они насъ:—живо откусить! Вишь зубы-то у ней какіе острые, все равно какъ будто шилья! Думаешь, уснула уже она, а она тебя только и дожидается, и такъ цапнетъ тебя, такъ захватитъ своими зубищами, какъ будто какими тисками!.. Вотъ налимъ,—тотъ не сдѣлаетъ ничего, хоть вложи ему въ ротъ цѣлую руку! Пощупай-ка ручонкой у него во рту! Да не бойся: не укуситъ! Беретъ рыбакъ дрожащую руку, но вложить ее въ раскрытую пасть налима никакъ не рѣшаешься, и прячешь скорѣе ручонку за спину.

А рыболовъ все знакомить съ своею рыбою:

— Вотъ линь тоже не кусается. Линь-рыба смиренная, болотная. Смотрите, дѣточки, какъ разѣлись они! И онъ пробуесть вынуть лinya и показать намъ, но линь скользитъ изъ руки въ мшистую корзину, и, смотришь,—на потѣху намъ такъ живо затрепещется тамъ и обрызнетъ насъ...

И все покажутъ намъ рыбаки, все расскажутъ про эту рыбу свѣжую, только что изловленную, и все объяснятъ: какъ она живетъ и плаваетъ въ водѣ, какъ она ловить тамъ маленькую неопытную рыбку и глотаетъ ее, какъ она прячется и скачетъ отъ человѣка съ сѣтями...

Цѣлый урокъ естествознанія съ живыми пособіями, съ бородатыми рыболовами вмѣсто учителей, съ самыми живописными описаніями, съ самымъ захватывающимъ слушателей интересомъ.

Рыбаки уже продали намъ рыбу, получили сверхъ денегъ по чаркѣ доброй водки въ угощеніе, уже корзины ихъ опростаны нашею проворною Агаѣею, рыба уже отнесена Трофимомъ на нашъ холодный погребъ, а мы все еще тремя около рыболововъ, —этихъ нашихъ сегодняшнихъ учителей естественной исторіи, глядя на нихъ благодарными, любопытными глазами.

И уйдутъ они изъ нашей кухонки, а передъ нами еще все стоитъ этотъ чудесный подводный

міръ съ красивыми животными и травами, полный живого интереса. И уже не хочется спать, хотя насъ давно уже изъ кухни выпроваживаютъ въ теплую спальню нашу, не хочется оторваться отъ этого веселаго утра, хочется говорить, говорить и мечтать о чудесахъ рѣчного царства...

II.

Чуть ли не эти уроки нашихъ деревенскихъ рыболововъ и вдохнули въ меня желаніе сдѣлаться рыболовомъ. По крайней мѣрѣ, я помню себя еще маленькимъ-маленькимъ, но уже мечтающимъ о рыболовствѣ. Сколько разказовъ самыхъ невѣроятныхъ я сочинялъ своимъ довѣрчивымъ и маленькимъ сестренкамъ про рыбу! Сколько разъ я хватался передъ Трофимомъ и Агаѣею, что я уже умѣю ловить и усатаго толстаго налима, и бойкую, проворную, хищную щуку. Только у меня не было еще удочки; ее только сулилъ мнѣ сдѣлать нашъ Трофимъ, а Агаѣя обѣщала одолжить мнѣ подъ рыбу малую корзинку. Но вотъ у меня и самая удочка, сдѣланная пока, за отсутствіемъ настоящей, изъ какого-то бѣльевого крючка съ привязанной къ нему тонкой веревочкой. И я, помню, съ восторгомъ удилъ воображаемую рыбу въ лужѣ на дворѣ и даже въ нашей водосточной кадочкѣ, воображая се-

бя настоящимъ рыболовомъ. Опустить туда свою странную удочку и ждешь, ждешь съ нетерпѣніемъ, когда дрогнетъ веревочка. Дрогнула напряженная ожидающая рука, и веревочка летитъ вверхъ вмѣстѣ съ брызгами и тиной. Ничего! Воображеніе рисуетъ картину за картиною, и хотя въ водосточной кадочкѣ сроду не бывало никакой рыбы,—это хорошо извѣстно даже самому рыболову,—но чудится тамъ и толстый пятнистый налимъ, и зеленая длинная щука, и темный линь и красноперый горбатый окунь.

— Что, рыбу удишь, дитячко? спросить, бывало, наша старая Агаѣя проходя, мимо на погребъ.—Удь! Удь! Ужо какой я пирогъ тебѣ состряпаю! Всѣхъ мы съ тобою сегодня рыбою накормимъ! И за обѣдомъ, дѣйствительно, свѣжій пирогъ, и даже нѣкоторые хвалятъ рыболова.

Но меня, помню, мало и недолго занимала эта водосточная кадочка: меня манила Карга,—какъ называется еще и посейчасъ какое-то топкое болото у самой нашей церкви, подъ горой,—и это влеченіе было настолько велико, что я сталъ туда тайкомъ убѣгать съ своимъ снарядомъ.

Только тамъ, на этой вонючей Каргѣ, я познакомился съ настоящимъ рыболовствомъ, когда увидалъ одного мальчишку, должно быть, такого же страстнаго рыболова деревенскаго, съ удочкой; около

него стояла молча цѣлая толпа праздныхъ и любопытныхъ ребятишекъ.

Какъ засмѣялись они надъ моею удочкой, и какъ это было мнѣ больно!

Отецъ приказалъ Трофиму сдѣлать мнѣ форменную удочку, и скоро Карга не знала отъ меня покоя ни днемъ, ни вечеромъ, ни раннимъ утромъ.

Но въ Каргѣ жили какіе-то хитрые карасики, которые безпрестанно дергали мою леску, съѣдали червячка, но никогда не попадались на самую уду, какъ я ее ни дергалъ самымъ прехитрымъ, казалось, образомъ.

Первая моя добыча была на рѣкѣ, куда я разъ пробрался съ нашимъ Трофимомъ самымъ тайнымъ отъ родителей образомъ, когда онъ отправился туда за водой и посадилъ меня на водовозную красную кадушку. Тамъ попался мнѣ какой-то пескарь съ круглою-круглою мясистою спинкою, и это было такъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо, что я, не дожидаясь Трофима, такъ и убѣжалъ домой съ удочкой и пескаремъ, насаженнымъ на крючкѣ. Радость моя была такъ велика, что я въ кухнѣ чуть не выткнулъ глазъ нашей Агаѣ, оборвалъ занавѣску, задѣвши ее тою же удочкой, и вдобавокъ такъ перепугалъ о чемъ-то задумавшуюся за своимъ шитьемъ мать, что она даже ахнула, увидѣвъ меня съ удилищемъ.

Несчастный, болтающійся на удочкѣ пескарь былъ сотню разъ показанъ всѣмъ; я сотню разъ рассказывалъ, какъ я его выудилъ въ самой рѣкѣ Исети, какъ меня похвалилъ какой-то мужикъ, попавшійся дорогой мнѣ навстрѣчу, какъ была поражена какая-то женщина, шедшая съ ведрами на рѣку; одно только было недоразумѣніе: куда дѣвать въ концѣ-концовъ этого пескаря, потому что Агаѣя рѣшительно отказывалась печь сегодня пирогъ съ этимъ пескаремъ, такъ какъ съ квашнею она уже давно покончила, а жарить его на жаркое было еще рано.

Я не знаю, что бы еще было съ этимъ пескаремъ далѣе, если бъ вопросъ самымъ простымъ способомъ не разрѣшилъ нашъ котъ-лукавый Васка: онъ съѣлъ этого моего перваго пескаря самымъ возмутительнымъ образомъ, какъ-то подкравшись къ нему, когда онъ валялся на лавкѣ; стащилъ его передъ моимъ носомъ такъ удачно и такъ рѣшительно, что даже сердито-сердито замыкалъ подъ лавкою, когда я бросился было отнимать пескаря и встрѣтился съ зубами и когтями похитителя.

Противный котъ! Какъ онъ ѣлъ моего пескаря подъ лавкою, и какъ жаль было мнѣ своей первой добычи!

III.

Но настоящимъ рыболовомъ сдѣлался я гораздо позднѣе, когда я уже сталъ учиться грамотѣ и пользовался полной свободой.

О, я тогда удилъ уже недурно, и у меня были настоящія удочки и даже съ раскрашенными пробковыми поплавками! Еще заря, а уже бѣжишь на рѣку съ своей удочкой. Еще утро раннее, холодное, росистое, а ужъ слѣды твои видны на низкой травѣ прямо къ нашей Исети! Еще спитъ наше село, или только еще просыпается, а ты уже сидишь съ своею удочкой у берега, или на тонкихъ жердочкахъ мостика! Что за чудная гладь на рѣкѣ! Что за чудная картина спящей рѣки, съ которой, кажется, только-что поднимается самое утро, въ видѣ тонкаго бѣлаго облака. «Клевъ на уду!» скажетъ какой-нибудь проѣзжающій рыбакъ самымъ серьезнымъ голосомъ. «Спасибо, дядюшка!» крикнешь ему, и хочется даже показать ему наловленную рыбу.

Меня не занимали уже пескари: я больше старался ловить окуня, и сколько счастливыхъ минутъ доставилъ онъ вмѣстѣ съ ершомъ, когда бойко поведетъ твою бѣлую леску, когда дернетъ твою удочку, когда съ свистомъ поведетъ и запутаетъ ее за траву, и когда вмѣстѣ съ травою его выведешь и подхватишь проворной рукой!

Бывало, полный туюсокъ,—желѣзное ведерко,—мелкой разнообразной рыбы. Бывало, сердце полно какой-то неопиcуемой гордости, сознанія самостоятельности и удачи въ жизни. Сестры не подступайся ко мнѣ,—я рыболовъ уже въ самомъ серьезномъ смыслѣ. Агаѣя относилась ко мнѣ съ почтеніемъ и ласкою, а мать даже скажетъ иной разъ на кухнѣ:

— Кормилецъ растеть у насъ Костинька: теперь ужъ насъ угощаетъ рыбкою, а послѣ, на старости лѣтъ, какъ не прокормить насъ съ отцемъ хорошею рыбой! И «кормилецъ» уже гордится, у «кормильца» уже серьезное лицо, какая-то новая забота о ловлѣ рыбы...

*
* * *

Скоро стало мнѣ уже тѣсно на нашемъ истокѣ Исети, и я запросился на настоящую рѣку Исеть, которая была версты за три, за четыре разстоянія, гдѣ шумѣли мельницы и былъ широкій прудъ и водилась настоящая крупная рыба. Какъ-то разъ, я помню, отправился туда, съ разрѣшенія родителей, съ удами, въ компаніи съ одной большой любительницею рыболовства и удочки,—монашкой. Жила у насъ въ селѣ такая женщина, которая въ свободныя минуты, не занятая чтаніемъ псалтири надъ усоп-

шими, любила удаляться съ удочкой и удить цѣлые дни, вечера и утра.

Эта монашка и научила меня настоящему ужению, познакомивъ не только съ крупнымъ, ранѣе мнѣ недоступнымъ окунемъ, но даже съ самой прожорливой щукой.

И что за раздолье было удить съ этой молчаливой кроткою женщиной, которая способна была цѣлый день просидѣть въ лодочкѣ, не проронивши ни слова, которая, казалось, такъ же, какъ я, уходила вся въ нее, позабывая окружающее и даже своихъ усопшихъ. Рѣка—какъ зеркало; мы уже съ утра приткнулись къ пышнымъ цвѣткамъ бѣлой лиліи; громадныя листья ея неподвижно лежатъ на водѣ. И въ темныя прогалины, гдѣ стоитъ теперь лѣнивый окунь, мы то и дѣло опускаемъ свои удочки, и выдергиваемъ ихъ съ красивой, красноперой, бойкою рыбой. Подчасъ что-то такое сильное дернетъ мою леску. Порою поведетъ даже нашу легкую лодочку хищная щука, такъ что дрогнетъ она вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. А солнце, яркое лѣтнее солнце поднимается выше и выше на горизонтѣ, уже льетъ лучи чуть не отвѣсно, а ловля все продолжается въ полной тишинѣ при этомъ разлившемся кругомъ теплѣ и свѣтѣ.

Какихъ здоровыхъ окуней выводилъ я тутъ порою, какихъ щукъ подрѣзывалъ своей удой, сколь-

ко было захватывающихъ, незабвенныхъ минутъ
полнаго счастья и восторга!

Уже отерпла спина и босыя ноги, уже давно
хочется ѣсть, уже давно сожгло солнцемъ мою спи-
ну въ одной красной рубашечкѣ, а нѣтъ силъ, не-
возможно оторваться отъ этой рѣки ни на минуту.

И сидишь такъ до самаго вечера, и только ве-
черній туманъ и голодъ стонить тебя, усталого и
сырого отъ вечерняго тумана. И цѣлую ночь во снѣ
то же уженье, цѣлую ночь тѣ же счастливыя ми-
нуты.

IV.

Я чувствовалъ, что ловля захватываетъ меня
всего, я чувствовалъ, что становлюсь настоящимъ
рыболовомъ.

Но настоящимъ рыболовомъ я сталъ еще позд-
нѣе этого времени, когда уже учился въ духовномъ
училищѣ и когда познакомился съ настоящимъ ры-
бакомъ, ловившимъ крупную рыбу сѣтями.

Это былъ послѣдній мой учитель—Игнатъ, ко-
торый вѣчно таскался по Исети и, кажется, даже
болѣе жилъ на ней, чѣмъ въ своей избушкѣ. У
него даже было на родной Исети что-то въ родѣ
первобытнаго жилища: какой-то маленькій, узенькій,
вдавшійся въ рѣку полуостровокъ, на которомъ у
него зиму и лѣто стоялъ рыболовный шалашикъ.

Истинное жильё дикаря: вмѣсто стѣнъ какія-то тонкія, темныя отъ копоти и дыма жердочки, вмѣсто дверей—одна дыра, вмѣсто трубы какое-то отверстіе, въ которое видно голубое небо, вмѣсто пола—голая земля, давно-давно уже утолоченная его босыми ногами. И среди этого жилища—неизмѣнный котелокъ, въ которомъ что-то варится утромъ и вечеромъ, когда Игнатъ возвращается съ ловли или отправляется на рыбную ловлю.

Я еще позабылъ его сѣти, которыя вѣчно были развѣшены кругомъ его дикаго жилища, какъ какая-нибудь паутина.

Съ этими сѣтями онъ и возился день и ночь, то чиня ихъ и укладывая разными способами, то что-то мурлыча себѣ подъ усы, словно раздумывая, какъ получше словить въ эти сѣти разную хитрую рыбу.

Въ этомъ шалашѣ я однажды и познакомился съ Игнатомъ-рыболовомъ, который уже зналъ меня за рыбака и все удивлялся, что я провожу дорогое время даромъ.

— Что удочка? говорилъ онъ:—только дорогое время проводить съ удочкой! Вотъ сѣть — это дѣло!

Но сколько разъ я ни присматривался къ его сѣтямъ, онѣ казались для меня такими непосиль-

ными, что я могъ только мечтать о нихъ въ своемъ будущемъ....

Вдругъ, по веснѣ онъ поразилъ меня словленными щуками: цѣлый садокъ пестрыхъ щукъ, и всѣ такія икряныя и толстыя, все такое богатство!

У меня даже глазки разбѣжались.

— Какъ это ты ихъ, Игнатъ?

— А я этихъ щукъ добываю витилями! Вотъ какъ! Расхвастался онъ, немного выпивши сегодня по случаю хорошей продажи. — Вотъ ужо проси у отца денегъ,—я сплету тебѣ два витиля! Сыты будете всѣ, какъ начнешь ловить линей около Петровокъ!

Я прекрасно зналъ, что такое витиль,—видалъ ихъ у Игната около шалашика,—и тутъ же рѣшилъ приступить къ новой ловлѣ.

— Смотри, уходитъ тебя Игнатъ-рыболовъ съ твоими рыболовными витилями, накормишь ты раковъ! предупредилъ меня отецъ, неохотно выдавая мнѣ деньги на мое новое рыболовное орудіе. Но мать, казалось, была даже довольна этой новой моей предприимчивостью и даже согласилась сдѣлать рыболову дальнѣйшія уступки.

Дѣло въ томъ, что я рѣшилъ, что обзаведясь витилемъ, сдѣлавшись настоящимъ рыболовомъ-промышленникомъ, я долженъ во всемъ уподобиться Игнату, т.-е., другими словами, сдѣлать и надѣть на

себя такіе же точь-въ-точь пестрядинные, широкіе, грубые штаны и такую же рубаху съ красною пелеринкою, нахлобучить на голову точно такую же, но только бѣлую войлочную, широкополую шляпу, и такъ, въ такомъ рыболовномъ нарядѣ, и разъѣзжать по рѣкѣ, съ босыми ногами и загорѣлымъ, темнымъ, серьезнымъ лицомъ, поражая этимъ деревенскихъ бабъ и дѣвокъ нашей деревни и разныхъ ребятишекъ, которые и такъ относились ко мнѣ съ какимъ-то почтеніемъ, хотя я былъ лишь немного старше ихъ годами.

Мать улыбнулась, выслушавши мои желанія, но согласилась сдѣлать все, только предупредивши насчетъ пестрядинныхъ штановъ, что они покажутся мнѣ очень тяжелы и грубы.

* * *

Меня уважили: Игнатъ охотно за двадцать копеекъ сплелъ мнѣ къ Петрову дню совершенно новый, прекрасный витиль, мать сшила что слѣдуетъ изъ рыбацкой одежды, и я въ самый Петровъ день, когда, по словамъ Игната, особенно ходилъ толстый линь, раннимъ утромъ отправился на Исеть въ новомъ своемъ нарядѣ, пользуясь тѣмъ, что лодка Игната свободна.

Какая-то встрѣчная баба съ коромыслами даже пошатнулась отъ меня, увидѣвъ меня въ новыхъ,

широчайшихъ пестрядинныхъ шароварахъ; какая-то бѣлобрысая дѣвчонка у самой моей лодки даже выпучила на меня глаза. Но я храбро отправился далѣе и, стоя во весь ростъ въ длиннѣйшей и тяжелой одеждѣ, разставивъ свои босыя ноги самымъ широчайшимъ образомъ, заломивъ бѣлую войлочную шляпу на своей стриженной головѣ, поплылъ вдоль берега шумѣвшей сегодня по случаю праздника деревни.

На берегу рѣки сидѣли дѣвушки, вѣроятно, любясь ея чудною гладью. Я вздумалъ проѣхать нарочно мимо нихъ, чтобы шикнуть своимъ нарядомъ; но онѣ встрѣтили меня такимъ обиднымъ хохотомъ, такими замѣчаніями все больше насчетъ моихъ пестрядинныхъ штановъ, что я готовъ былъ съ штанами этими провалиться въ самую воду. Только-что проѣхалъ ихъ, — встрѣчаются проказливые ребяташки, выскочившіе изъ одного огорода, въ которомъ, я увѣренъ, они воровали сладкую морковь и горохъ, если только не разоряли хищнымъ образомъ самый огуречникъ. Ребяташки встрѣтили меня такимъ оскорбительнымъ визгомъ и свистомъ, что мнѣ ничего не оставалось, какъ только обругать дикую деревню и переправиться на противоположный берегъ рѣки и подальше объѣхать эту насмѣшливую и глупую деревню. Вотъ я и на просторѣ родной Исети, и не знаю, куда поставить витьль, видя предъ

собой свободными всѣ приволья знаменитаго Игната, который сегодня, быть-можетъ, не безъ жалости, предоставилъ ихъ мнѣ, увлекшись своей чаркой.

«Поставлю, думаю,—въ этомъ маленькомъ заливчкѣ: онъ еще говоритъ, что тутъ на дняхъ добылъ пять линей самаго большущаго роста».

Устраиваю витьи самымъ старательнымъ образомъ, отъѣзжаю на берегъ и лежу на мягкой душистой травѣ, дожидая вѣрной и богатой ловли.

Но черезъ часъ ровно ничего нѣтъ въ моемъ витьѣ, кромѣ заскочившей какъ-то туда зеленоватой, противной лягушки!

Вытряхиваю ее и ѣду ставить далѣе, облюбовавши высокіе зеленые камыши, въ которыхъ, Игнатъ говорилъ,—водятся крупныя щуки.

Но нѣтъ и щукъ въ моемъ витьѣ, который я разставилъ для нихъ, кажется, самымъ надежнымъ образомъ.

Что за чудо? Ужъ не сглазили ли меня нарядныя дѣвки? Ёду далѣе и ставлю витьи на самомъ линевомъ мѣстѣ.

Тутъ непременно должны быть лини; сегодня такъ ярко и жарко свѣтитъ солнышко,—вотъ они и залегли тутъ, какъ говоритъ Игнатъ, знающій доподлинно рыбы обычай.

Но сегодня нѣтъ здѣсь и жирныхъ, лѣнивыхъ

линей, и я теряюсь окончательно, гдѣ же я словлю сегодня рыбу!

Рѣшаюсь въ послѣдній разъ попытать сегодня свое счастье, и ставлю свой витиль наугадъ на одинъ мысочекъ.

Долго лежу я на травѣ, размышляя о сегодняшней неудачѣ. День уже клонится къ вечеру, а ровно ничего нѣтъ въ моей рыболовной пустой корзинѣ!

Впередъ махнувши рукой на неудачу и покрившись бѣдной участи, вытаскиваю черезъ часъ свой витиль, какъ вдругъ въ немъ что-то мелькнуло.

Щука? Щука и есть! Я дрожащими руками вынимаю витиль, тороплюсь къ берегу,—но въ моемъ витилѣ вмѣсто щуки какой-то несчастный щуренокъ!.. Но это меня такъ ободрило, что я рѣшилъ спрятать въ траву скорѣе свою добычу, а витиль непременно высушить какъ можно старательнѣе, полагая, что вся неудача происходитъ именно оттого, что мой витиль весь въ тинѣ.

* * *

Развожу на берегу костеръ, развѣшиваю у куста свой витиль, покрытый зеленью, тутъ же распластываю свои мокрые штанишки, въ которыхъ уже трудно ходить, въ сторонѣ вѣшаю на вѣточку

свою бѣлую шляпу и съ аппетитомъ принимаюсь за обѣдъ, здорово проголодавшись.

Послѣ обѣда, приправленнаго самыми лучшими надеждами на ловлю подъ вечеръ, немного забываюсь въ дремотѣ.

Просыпаюсь,—и не вѣрю своимъ глазамъ: вития моего нѣтъ, нѣтъ и моихъ пестрядинныхъ штановъ, которые висѣли тутъ рядомъ. На кустѣ одна бѣлая моя шляпа.

Вскакиваю, оглядываюсь кругомъ, думая, кто же это подшутилъ надъ спящимъ рыболовомъ, но кругомъ хотя бы слѣдъ человѣка. Только однѣ пѣсни доносятся изъ разгулявшейся сегодня, по случаю лѣтняго веселаго праздника, деревни.

Бросаюсь къ костру,—тамъ только одни обручи отъ моего вития и поясокъ отъ штановъ.

Все это было такъ неожиданно, что я не вѣрю своимъ глазамъ, протираю ихъ со сна; но оказывается это не сонъ, а самая горькая дѣйствительность, какая только можетъ случиться съ бѣднымъ рыболовомъ.

Что дѣлать? Итти такъ черезъ расшумѣвшуюся сегодня деревню нѣтъ возможности, и приходится терпѣливо дожидаться вечера, или, лучше еще, самой темной ночи.

Задвигаю въ кусты свою лодочку, и чтобы кто не нашелъ меня въ такомъ странномъ нарядѣ, пря-

чусь въ кусты, рѣшившись выждать время. Но недаромъ говоритъ русская пословица: «Одна бѣда не ходитъ»,—въ кустахъ подь вечерь комары и такъ больно кусаются, что я рѣшаюсь лучше засѣсть въ самую рѣчную воду.

Усаживаюсь подь одинъ береговой широкой кустъ, но тамъ пощипываютъ раки!

Догадываюсь, и уже подь самый вечерь развожу большущій костеръ и сижу въ дыму, прокапчиваясь въ немъ, какъ рыба.

Но и въ дыму меня сегодня преслѣдуетъ горе: загорается моя красная рубашка, на спинѣ выгораетъ дыра, и только моя находчивость броситься въ рѣку спасаетъ меня отъ того, чтобы не остаться совсѣмъ голымъ, и я такъ безъ штановъ, въ дырявой рубашкѣ и остаюсь на берегу, чуть-чуть не проливая отъ горя слезы.

Приходить мысль украсть что-либо изъ деревенской одежды, которую обыкновенно развѣшиваютъ по огородамъ тутъ на берегу: но сегодня нѣтъ ровно ничего, какъ будто деревенскія бабы почуяли вора.

*
* *

Но вотъ, къ счастью, спускается ночь, и я подь ея тѣнью пробираюсь въ пріумолкшую деревню, вооружившись на всякій случай толстой палкой.

Какъ вдругъ изъ одной подворотни съ лаемъ выскочила на меня какая-то маленькая собачонка. Я смущенъ, начинаю отмахиваться палкою. Но она еще пуще, злѣе того заливается своимъ пискливымъ, звонкимъ голосомъ, такъ что и изъ другихъ дворовъ начинаютъ ей помогать другіе собачьи голоса, но уже значительно потолще. А тутъ баба какая-то изъ окна еще науськиваетъ свою собачонку: «Дамка, усь! Дамка, усь его! усь! усь!» И я, видя, что сейчасъ будутъ осаждать меня уже настоящіе псы, несущіеся изъ другихъ дворовъ на это науськиваніе, бросаюсь въ первый темный переулочекъ, перескакиваю въ какой-то огородъ черезъ прясло, и лечу и падаю черезъ какія-то огуречныя, высокія гряды. Псы смѣшались, неожиданно потерявъ непріятеля за изгородью. и слышно, бѣжить какой-то мужикъ съ руганью: «Кого это проклятые черти ночью носятъ по чужимъ огородамъ!» И мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ спрятаться въ темную и дымную баню, и присѣсть тамъ, въ надеждѣ, что люди побоятся разыскивать вора въ банѣ.

Мало-по-малу все снова угомонилось въ этой части улицы; но я уже не посмѣлъ выйти изъ своего убѣжища, потому что страшно боялся чуткихъ собакъ, которыя всю ночь, казалось, вздумали, словно слыша меня, выть и лаять на деревнѣ.

Такъ въ этой дымной, темной, покрытой сажею

банѣ я и просидѣлъ до самаго разсвѣта, когда наконецъ замокли собаки и я могъ вылѣзти изъ маленькаго окна, выходящаго прямо на рѣку, и отправиться въ дальнѣйшее путешествіе къ дому.

Только утромъ, когда уже совсѣмъ разсвѣтало, я увидалъ отеческій домъ, и задумался: какъ я войду въ него въ подобномъ нарядѣ? Но смѣтка и тутъ выручила: я обошелъ его кругомъ, прокрался огородами и, добравшись до задняго двора, смѣло полѣзъ черезъ высокую оградку, прямо въ коровникъ.

Казалось, все оканчивалось самымъ благополучнымъ образомъ, я уже дома, въ своей оградкѣ,—какъ вдругъ навстрѣчу мнѣ Агаѣя съ подойникомъ, и у Агаѣи, несмотря на то, что она знаетъ меня съ самаго дѣтства,—самое удивленное и перепуганное лицо, какъ будто она встрѣтила въ коровникѣ бродягу...

Но съ Агаѣей нечего было церемониться: я быстро прошмыгнулъ мимо нея, такъ что она не успѣла даже ахнуть отъ удивленія, и въ минуту былъ уже въ кухнѣ, на полатахъ.

Какимъ блаженствомъ, несмотря на страшный голодъ, показались мнѣ онѣ съ своимъ тепломъ и уютностью послѣ проведенной въ страхѣ ночи.

У.

Утромъ, сквозь чуткій сонъ, когда снились мнѣ самые непріятные сны, я слышу разговоръ въ кухнѣ:

— А сегодня нашъ рыболовъ, матушка, что-то безъ шароваръ воротился съ рыбной ловли!

— Что ты, Агаея? говоритъ мать, съ тревогой въ голосѣ.

— Вотъ тебѣ святая ильинская пятница, матушка!.. Какъ есть нагишомъ, только въ одной красной рубашкѣ, а пестрядинныхъ шароваръ какъ не бывало!

— Да какъ же такъ? недоумѣваетъ матушка.

— Да, такъ, безъ шароваръ и явился, матушка! Иду я доить коровушекъ съ подойникомъ, вымыла его, захватила три кусочка хлѣбца для коровушекъ, только хочу садиться подъ бѣлянущку, только думаю перекреститься, а онъ шастъ прямо черезъ заборъ въ нашъ коровникъ! Смотрю, родимая, думаю, ужъ не бродяжка ли какой забирается, а онъ безъ шароваръ такъ и лѣзетъ черезъ заборчикъ! Я уже хотѣла крикнуть отъ испуга, только вижу, это нашъ рыболовъ и съ корзиной. Увидалъ меня,—сконфузился такъ, и шмыгнулъ поскорѣе въ воротца! Такъ это шмыгнулъ скорехонько, а самъ—то прикроется этакъ корзиною-то спере-

да, то сзади... Только вотъ щуреночка одного и нашла въ кухонкѣ въ его корзинкѣ!..

У меня даже забилося сердце отъ недобраго предчувствія. Успокоилъ меня голосъ матери:

— А гдѣ онъ теперь?

Агаѣя тотчасъ же отвѣтила, какъ будто успокаивая ее и жалѣя, что встревожила пропажей штановъ:

— А вонъ на полатяхъ просыпается! Должно быть, всю ночь не спалъ, бѣдненькій, съ рыбою уходился!

Мать сразу понизила голосъ, видимо, жалѣя спящаго несчастнаго рыболова, и это меня такъ успокоило, что я снова заснулъ, уже какъ ни въ чемъ не бывало.

Я думалъ, что утромъ начнутся пытки и самыя обидныя разспросы, но мать у насъ была умная и догадливая женщина, и даже слова не сказала по случаю поздняго прихода рыболова. И только тогда, когда неожиданно для меня подали на столъ моего щуренка, острый носъ котораго такъ противно выставился изъ-подъ корочки пирога, она на секунду взглянула на меня своими черными, пытливыми и насмѣшливыми глазами, какъ будто, показалось мнѣ, немного усмѣхнувшись.

Я покраснѣлъ подъ этимъ насмѣшливымъ взглядомъ матери, но постарался скрыть свое смущеніе.

* * *

Я думалъ уже, что исторія съ моими шароварами покончена, какъ вдругъ явилась какая-то баба, изъ деревни Верхозиной, и рассказала на кухнѣ открытіе, сдѣланное на лугахъ моимъ учителемъ Игнатомъ.

Она рассказывала, что въ самый ихъ праздничекъ онъ видѣлъ пожаръ, отъ котораго, думали уже, сгорятъ всѣ ихъ луга и скошенное сѣно; но все обошлось самымъ благополучнымъ образомъ, и на другой день праздника на странномъ луговомъ пожарищѣ нашли лишь только обгорѣлые обручи витиля и еще... еще какой-то подозрительный и обгорѣлый поясокъ...

При этомъ было достаточно прибавлено разнаго вымысла, на который такъ тароваты деревенскія бабы, и этотъ вымыселъ такъ избидѣлъ меня, что я далъ слово больше никогда не заглядывать въ деревню Верхозину и окончательно даже бросить рыболовство.

И я, дѣйствительно, забросилъ окончательно Верхозину своими посѣщеніями, забросилъ и свое рыболовство, такъ было наладившееся, а Игнатарыболова такъ возненавидѣлъ всей душою, что даже избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, когда онъ попадался мнѣ на дорогѣ.

И странное дѣло: съ этихъ поръ я не только забылъ мои мечты о вилияхъ и крупной прожорливой рыбѣ, но даже какъ-то охладѣлъ и къ самой удочкѣ и къ самой рыбной ловлѣ. Какъ будто тамъ, въ Исетскихъ лугахъ, въ этотъ несчастный день моего перваго крупнаго рыбнаго промысла, я сжегъ, вмѣстѣ съ своими шароварами и первымъ вилемъ, и самую страсть къ рыбной ловлѣ!

К. Носиловъ.

«Читальня Народной Школы» за 1908 годъ.

Шваль. Историческій разсказъ. *А. Зарина*. 15 к.—Денщикъ Софроновъ. Разсказъ *Вас. Брусянина*. 8 к.—На сѣверѣ дикомъ. Разсказъ изъ жизни самоѣдовъ. *П. Инфантьева*. 15 к.—Забавы царя Алексѣя Михайловича. Разсказъ *А. Зарина*. 8 к.—Физика въ школѣ и дома. Книжка V. Свѣтъ. *И. И. Инатъева*. (Съ рис.) 20 к.—Башкиры. Очеркъ. Жена Ахмета. Изъ башкирской жизни. *П. Инфантьева*. 8 к.—Перекасти-поле.—Лѣшій. Разсказы *В. Радича*. 10 к.—Калмыки. Очеркъ. Замьянъ. Разсказъ изъ калмыцкой жизни. *П. Инфантьева*. 15 к.—Про воинскую повинность. Бесѣда. *Б. Бразоля*. 5 к.—Пѣвецъ Украйны. Очеркъ изъ жизни *Т. Г. Шевченка*. *Н. Д. Носкова*. (Съ портретомъ) 10 к.—Думы и пѣсни *Т. Г. Шевченка*. (Сборникъ стихотвореній). 15 к.—Книжка-смекалка. *Е. М. Ельянова*. 15 к.—Айша. Разсказъ изъ татарской жизни. *П. Инфантьева*. 12 к.—Подъ кустами розъ. Изъ жизни насѣкомыхъ. (Съ франц.) 4 к.—Чукчи. Очеркъ. — Смерть Омулина. Изъ жизни чукчей. *П. Инфантьева*. 8 к.—Сестра Бѣдныхъ. Сказка. (Съ франц.) 7 к.—Гдѣ граница? Разсказъ *Клементя*. (Съ нѣмец.) 15 к.—Ермакъ. Разсказъ *В. Радича*. 10 к.—Родимый. Разсказъ *А. П. Смирнова*. 10 к.—Физика въ школѣ и дома. Книжка 6-я. Электрическая сила. *Ив. Инатъева*. (Съ рисун.) 20 к.—Павель Степановичъ Нахимовъ. Очеркъ. (Съ рисунками) 15 к.—Пугачевецъ. Быль XVIII столѣтія. *А. П. Смирнова*. 10 к.—Какъ живутъ персы. Очеркъ *А. Семенова*. (Съ рис.) 15 к.—Васильевъ вечеръ. Представленіе для дѣтскаго театра въ 3-хъ дѣйствіяхъ. *П. Рябушинскаго*. 10 к.—Коряки. Очеркъ. Маленькіе китоловы. Изъ жизни коряковъ. *П. Инфантьева*. 12 к.—Изъ-за нужды. Разсказъ *Б. Гринченка*. Съ украинскаго перевелъ *Ө. Гавришиъ*. 5 к.—Конецъ «Проворнаго». Быль. *В. Никонова*. 12 к.—Дитя горь. Повѣсть *І. Спири*. (Съ нѣмец.) 25 к.—На волчьемъ хуторѣ. Разсказъ *Д. Марковича*. Пер. съ украинскаго. *Ө. Гавришиъ*. 3 к.—Шотландія и шотландцы. Очеркъ *М. А. Бекетовой*. 5 к.

Цѣна полностью за годъ 2 руб. 50 коп. безъ пересылки и 3 руб. съ пересылкою.

Продолжается подписка на 1911 г. на журналъ

„ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ“.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія журналъ этотъ допущенъ въ ученическія бібліотеки народныхъ и городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній, а также въ бесплатныя народныя читальни и для чтенія въ народныхъ аудиторіяхъ.

Опредѣленіемъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ многія книжки этого журнала допущены въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ.

«ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ» назначается для учениковъ народныхъ школъ. Выходитъ одинъ разъ въ мѣсяць. № состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ книжекъ, вложенныхъ въ общую обложку, что даетъ возможность пользоваться книжками «ЧИТАЛЬНИ» многимъ лицамъ за разъ. Въ общей сложности «Читальня» даетъ ежегодно не менѣе 90 печатныхъ листовъ. Многія книжки печатаются съ картинками.

«ЧИТАЛЬНЯ НАРОДНОЙ ШКОЛЫ» заключаетъ въ себѣ:

- 1) рассказы изъ священной исторіи, житія святыхъ;
- 2) рассказы изъ отечественной исторіи и жизнеописанія знаменитыхъ людей;
- 3) повѣсти и рассказы;
- 4) стихотворенія;
- 5) драматическія произведенія;
- 6) описанія разныхъ явленій физическаго міра, жизни животныхъ и растеній;
- 7) свѣдѣнія о происшествіяхъ и событіяхъ текущей жизни.

Условія подписки.

Съ пересылкой и доставкой на годъ 3 р., на шесть мѣсяцевъ 1 р. 50 к., на три мѣсяца 75 к., на два мѣсяца 50 к. и на одинъ мѣсяць 25 к.

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. 90.

Изд. Н. Моревъ. Ред. Н. Моревъ и Э. Монвижъ-Монтвидъ.

2007084125